

«Весточку от тебя, сынок, получила. У нас все по-старому живем пока в твоей землянке. Немец там, где ты, наверное, все сжигает до тла! Прощай! И еще новость. В июле пришел старинный транзистор. К весне обещают еще новенькое тачило. А еще, сынок, спасибо тебе за твою медаль «За отвагу». С нас сняли военные налоги. Но ты и себя побереги. Низко кланяемся!»

(Из письма).

Около двух недель шел на фронт от берегов Днепра и Дуная этот треугольник. Со, битый за это время пропало не мало.

— Немедленно ступай в штаб полка! — взглянув на меня в упор, строго сказал командир батальона старший лейтенант Забобонов.

Нитка телефонного кабеля привела меня в саманный домик, в котором размещался штаб. После сырых окопов, отдыха на соломе под крышей полуразрушенного дома показались истинным комфортом.

Утром, во время короткого разговора с начальником разведки старшим лейтенантом И. И. Кушиным, которого почему-то все звали по имени и отчеству — Иваном Ивановичем, понял: меня отозвали на новую «работу» в полковую разведку. Признаться, растерялся. Это было большое доверие.

Словно угадав мои мысли, командир взвода старшина А. П. Гусев, которого также все звали Петровичем, сказал кратко и определенно: «На легкую жизнь не рассчитывай, парень».

Так и было... Училились водить автомобили, бронетранспортеры, стреляли из всех видов стрелкового оружия — отечественного и трофейного. Занимались бегом, вольной борьбой. К вечеру, когда с ног свисали от усталости, при свете копилки зубрили немецкий.

Ну что, обтесался чуток? — бросил в мою сторону Иван Иванович и, как всегда, скупыми словами начал инструктировать нас на заданье: проинструктировать нас на заданье: войти «к ланам» и доставить его в штаб.

Сырой промозглой ночью под бесшумные разрывы снарядов и мин, ружейно-пулеметную трескотню мы без присоединенной проследились через линию фронта.

Засели в зарослях авиации. До передовой — километровой путь — семья. Рядом узкая проселочная дорога. Все время идут по ней грузовые машины. В направлении передовой одна за одной прошли две колонны немецких солдат. Человек по 30—40 в кавалерии. Прогромыхала похонная кухня, на переднем которой восседал грузный немец, повар.

— Не тот кадр, — прошептал Петрович. Да и какай на нас аналз нуно что-либо существеиное. И снова ни души. Тишина. Только нудный мелкий дождь шуршит в листьях и трапе. В кустах нашли кусок телеграфной проволоки. Один конец ее привязали к стволу авиации, с другим двое быстро перемахнули через дорогу в виноградник. За поворотом, со стороны передовой загудели поезда. В двух крытых фугонах вели раненых.

А когда скрылись они за пригорком, послышался рокот мотоцикла. Ближе, ближе. Вот он поравнялся с нами. Михаил Копытин своими

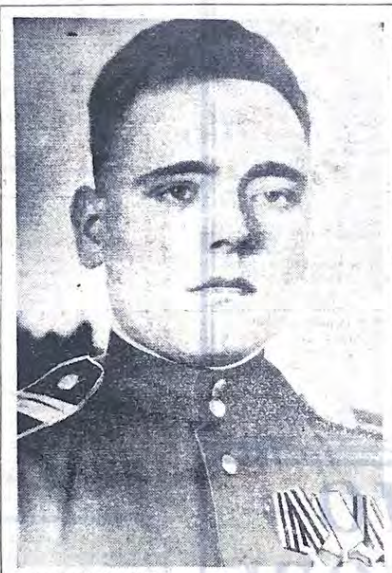
И С НИМИ ХОДИЛ В РАЗВЕДКУ

В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НИКОЛАЙ НАСТИЧ С БОЯМИ ПРОШЕЛ ПУТЬ ОТ ДНЕПРА ДО ПРАГИ. УЧАСТВОВАЛ В ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ГИТЛЕРОВЦЕВ ПОЛЬШИ, РУМЫНИИ, ВЕНГРИИ, ЗАКОНЧИЛ ВОЙНУ В ЧЕХОСЛОВАКИИ — ЗАПАДНЕЕ ПРАГИ.

НА ФРОНТЕ БЫЛ ПЕХОТИНЦЕМ, КОМАНДИРОМ ОТДЕЛЕНИЯ, ПОЛКОВЫМ РАЗВЕДЧИКОМ, РАЗВЕДЧИКОМ-НАБЛЮДАТЕЛЕМ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БАТАРЕИ. ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЗАОЧНО ОКОНЧИЛ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ, СТАЛ ПИСАТЬ В ГАЗЕТУ.

СЕЙЧАС НИКОЛАЙ ЕВСЕЕВИЧ РАБОТАЕТ В РЕДАКЦИИ РЫБАЦКОЙ ГАЗЕТЫ «ЗА ВЫСОКИЕ УЛОВЫ».

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА.

НИКОЛАЙ НАСТИЧ.
12 мая 1945 года, Чехословакия.

двумя руками натянул проволоку так, что она пришла чуть ниже подбородка мотоциклиста. Несколько секунд — и мотоцикл в юбке. Проволоку убрали, мотоцикл спрятали в кустах и неуверенно ополчились погонимел оказался с кляном во рту, со связанными руками.

Самым сложным оказалось возвращение. Уже преодолели линию обороны немцев: как напоролась на выставленный немцами «ежик». Завязалась перестрелка. Мы выбросили немецкие гранаты. Но тяжело ранено Сашу. Пуля попала ему в левую шею и вышла ниже виска. Насех перевязали, его пришлось волочить на плащпалатке. Успели запознать в дождю. Пули немцев теперь ползли над головами. Окружающий опасался. Но потинули выстрелы много. С глухим треском вокруг стали рваться мины. Раскаленные осколки с коем плюхались в сырую землю. Я почувствовал удар снади в бедро. Не поднимал головы, нагнувшись в сторону. Наш «язык», назывался эмел, ползет рядом. Понял, что плен — хороший шанс закончить войну миром.

— Ранено? — спросил Петрович.

— Как будто. Но я сам и превозмогая тупую боль, волочу правую ногу, я медленно продвигался следом за плащпалаткой, на которой Мина Копытин тащил раненого Сашу. В нескольких десятках метров впереди — справа и слева стучали пулеметы, прикрывавшие наш отход.

И когда уже мы были у своих, первым в траншею ввалился наш пленник. И только увидев, что он безоружный, с кляном во рту, наши пехотинцы его не прикончили. От души смеялись мои друзья и тогда, когда я показывал им еще теплые осколки. Он пробил маскхалат, телогрейку и надел в перевязочном пункте, находившемся в заднем брочном наряде.

— В рубашке родился, парень. Иначе, быть тебе с хорошей отметиной, которую и доктору-то показать советно.

Впрочем, во фронтовой жизни, особенно в разведке, встречались еще бо-

КОНКУРС
XXX
ПАМЯТЬ СЕРДЦА

лее пикантные подробности.

Двое суток горстка разведчиков рыскала по близким тылам в поиске «языка». Задание, как всегда, было весьма конкретным. Необычность, и потому и сложность его состояла в том, чтобы взять «солидного» «языка», знающего обстановку нацистской армии, разведки, системы огневых средств. Эти данные были нужны командованию перед решающим штурмом венгерской столицы.

На обрание небольшого имени одного из дачных районов Будапешта, в нескольких километрах от линии фронта закрепились домики. К нему часто подъезжали машины, мотоциклы, выходили офицеры. От дома в сторону передовой тянулся телефонный кабель, и у входа, за развороченным забором выставляла часовая. Ясное дело — «штаб», как раз то, что нужно.

С точностью до минуты изучили время смены поста, подходы; думали несколько вариантов путей скрытого ухода. По радио сообщали командованию свои координаты и время действий, расписали «по постам» действия каждого.

Луна поднялась над горизонтом за полночь. В ее матовом свете блеснул автомат на груди у часового. С трофейным тесаком в зубах бесшумно подползая к часовому. Вот он повернулся спиной, сделал шаг, другой. В такт его шагам двумя прыжками оказывался рядом. И когда он оборачивался на шорох, с хрустом возникал ему финку по самую рукоять. И в это мгновение сам оказывался в железных объятиях. Огромного роста немец с тяжелыми и жесткими, как клещи, ручищами прижал меня к земле. Свободной левой рукой дотронулся до его виска, подбродка и опустил чуть ниже. Пальцы судорожно впились в мягкую жирную шею. Чуть хрустнуло что-то. Послышался хрип. И липкая теплая жидкость заполнила ладонь, начала стекать в рукава. Уже не требовалось больших усилий, чтобы сбросить с себя обмякшее тело.

В глазах было темно, голова кружилась. Не заметил, как мимо меня бесшумно проскользнули в дверь четверо разведчиков. Опомился лишь после того, как мои друзья выволокли завернутого в плащпалатку немца и по разработанному плану надо было «делать» «языка», уходило.

Мы уже были в добром сотне метров, когда по сигналу, переданному радистом Степаном Дисунью на том месте, где стоял домики: реакли сумерки. Было сой думной ночи десятки разрывов снарядов. Тучным костром, словно неохотно пылали домики.

Это по нашему им сигналу сработала артиллерия.

Н. Е. НАСТИЧ,
старший сержант запаса,
г. Петропавловск-Камчатский.